
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

*Александр Воинов*¹

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА МИФА И ПРИТЧИ

Аннотация. Предлагается семиотическая модель коллективно разделяемой апперцепции, основанная на идеях М. Мерло-Понти о роли общего интенционального объекта в со-конституировании эго и альтер-эго и обеспечиваемой этим феноменологии коллективной деятельности. В качестве формальной семиотической модели в статье используется теория Фоконье, обобщающая схему противопоставления пространств «оболочки» и «содержания» в метафоре на случаи, где выход за пределы «рационального» достигается путем «склейки» элементов пространства. Это позволяет переосмыслить понятие вторичной знаковой системы и ее роли в таком явлении, как социальный миф, и предложить тезис: миф есть притча с табуированной достоверностью.

Ключевые слова: феноменология, миф, притча, метафора, интенциональный объект.

Alexander Voinov

PHENOMENOLOGICAL SEMIOTICS OF MYTH AND PARABLE

Abstract. A semiotic model is proposed for a collectively shared apperception basing upon Maurice Merleau-Ponty's ideas about the role of the shared intentional object in the co-constitution of Ego and Alter Ego and of the collective activity supported by a phenomenology of that kind. Fauconnier's theory of conceptual blending is used as a formal semiotic model. It generalises the classical opposition of tenor and vehicle in metaphors onto cases where a more complex transition beyond the sphere of the rational is needed. That allows to revisit the concept of secondary sign system and its role in the social myth, so that the following motto may be proposed: a myth is a parable with tabooed veracity.

Keywords: phenomenology, myth, parable, metaphor, intentional object.

Для цитирования: Воинов А. В. Феноменологическая семиотика мифа и притчи // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 4. С. 456–472. DOI: 10.52119/LPHS.2022.98.12.007.

¹*Воинов Александр Валерьевич* — кандидат физико-математических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет.

Alexander Voinov, PhD, docent, Saint Petersburg Polytechnical University.
avoinov@gmail.com

Введение

Настоящая работа развивает и эвристически опирается на идеи экспериментального исследования (Воинов, Гаврилова 1994: 3–11), где сравнивались классический и «метафорический» подходы к субъективному шкалированию стимулов предметной области экспертом. Оказывалось, что с введением метафор в пространство стимулов удается полнее и глубже реконструировать представление эксперта, отражающее его личный, «живой» опыт «бытия» в данной предметной области.

С учетом значительного корпуса работ в рамках так называемой «натурализации феноменологии» (De Preester 2006: 41–62) представляется естественным переосмыслить указанное исследование уже не как чисто психологический, но как феноменологический эксперимент (см., например, Gallagher, Soerensen 2006: 119–134). Таким образом, интуитивные представления о «живом опыте», «личном значении», «значимости» и прочих понятиях, находившихся в фокусе вышеупомянутого исследования, приобретают серьезное философское основание.

С другой стороны, современные и более или менее общепринятые теории метафоры, прежде всего Лакоффа (Лакофф, Джонсон 2004) и Фоконье (Fauconnier, Turner 2003), позволяют отойти от классического изоморфизма пространств «содержания» и «оболочки» в сторону более сложных знаковых конструкций, одновременно придавая самому понятию метафоры глубокое когнитивное обоснование.

Таким образом, метафора, в том числе и «притча» как составная метафора, предстает в свете современных знаний как когнитивный конструкт, в описании которого естественным образом объединяются феноменология и семиотика.

Несмотря на значительную роль, которую Лакофф справедливо отводит метафоре в формировании человеческого языка, для современного человека употребление метафорических образов носит вспомогательный, вторичный характер, дополняя наши рациональные представления о мире и заполняя возникающие в них лакуны. С этой точки зрения представляется уместным переосмыслить на современном уровне представления Р. Барта (Barthes 1972) о вторичных знаковых системах и их роли в таком важном явлении, как социальный миф.

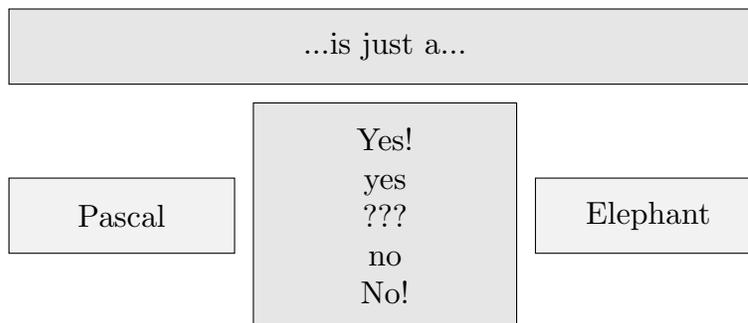
Что же касается собственно экспериментально-психологической методики, сыгравшей эвристическую роль в настоящем исследовании, очевидно, что субъективное шкалирование отягощено значительными ограничениями, прежде всего в плане трудоемкости для испытуемого. С другой стороны, современная цифровая среда предоставляет огромный объем социально значимых естественных языковых текстов, которые можно исследовать с помощью различных методов грамматического разбора. Применение подобных методов с целью выявления вторичной знаковой системы, регулирующей пространство социально-мифологических смыслов, отражающих скрытый, но реально функционирующий в повседневной практике слой знаний общества, является целью последующих шагов описываемого исследования.

Метафора и системы значений с позиции экспериментальной психосемантики

В 80-е годы прошлого века в рамках психосемантики (Петренко 1988), т. е. области знаний, исследующей субъективные системы значений чисто психологическими методами, некоторую популярность приобрел особый класс экспериментально-психологических методик, известный под названием «субъективное шкалирование». В ряде работ того времени предпринимались попытки применить подобные — или родственные, как, например, метод репертуарных решеток Дж. Келли (Boose *et al.* 1989: 185–214) — методики в инженерии знаний, а именно на этапе первичного выявления массива знаний эксперта с целью последующей структуризации и приведения к форме, допускающей автоматическую обработку.

Авторы работы (Воинов, Гаврилова 1994: 3–11) на массиве данных, собранных с разумного, по меркам возможностей и ограничений субъективного шкалирования, числа «экспертов» (прикладных программистов), сравнивают классический подход к субъективному шкалированию с предлагаемым ими т. н. «метафорическим». В первом из них семантические стимулы (в данном случае — названия языков программирования) из специально подобранного списка сравниваются попарно между собой. Полученные данные о субъективных оценках сходства или различия стимулов далее подвергаются обработке методами многомерного шкалирования с последующей визуализацией (рис. 1; здесь и далее примеры приводятся по цитируемой работе):

В предлагаемой модификации субъективного шкалирования используется два списка стимулов, первый из которых, как и в классическом случае, отражает понятия исследуемой предметной области, а второй — такой набор метафор-«оболочек», где отношения между стимулами в некотором смысле «изоморфны» отношениям между стимулами — «содержаниями» метафор. В процессе прохождения экспериментальной процедуры испытуемому предлагается оценить адекватность метафор, конструируемых из перебираемых попарно элементов обоих списков:

После обработки методом многомерного шкалирования получаем геометрическую конфигурацию, где мера близости между понятиями изучаемой предметной

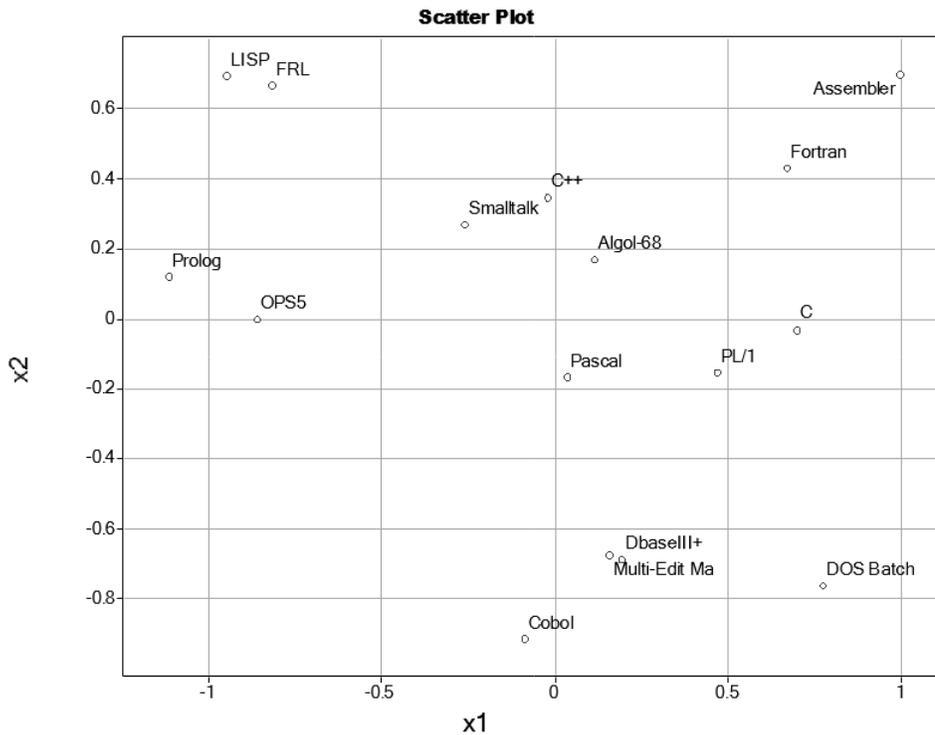

Рис. 1: Классическое субъективное шкалирование «каждый с каждым»

области выявляется опосредованно, через всю совокупность постулированных испытуемым мер близости понятий стимулам-метафорам (рис. 2).

Сопоставляя результаты, подобные приведенному, с теми, что получены посредством классической методики, авторы делают вывод, что применение метафоры в субъективном шкалировании позволяет выявить такой слой знаний испытуемого, который, собственно, и делает его «экспертом» в данной предметной области, т. е. вбирает в себя его личный, живой опыт.

Из числа последующих вариантов применения данной методики в экспериментальных исследованиях выделим (Черниговская *и др.* 2005: 35–44), где делалась попытка на нейрофизиологическом уровне связать способность индивида понимать метафору с активностью правого полушария головного мозга.

Метафора и семиотика

В классическом треугольнике Фреге (т. е. в одном из многочисленных его вариантов)

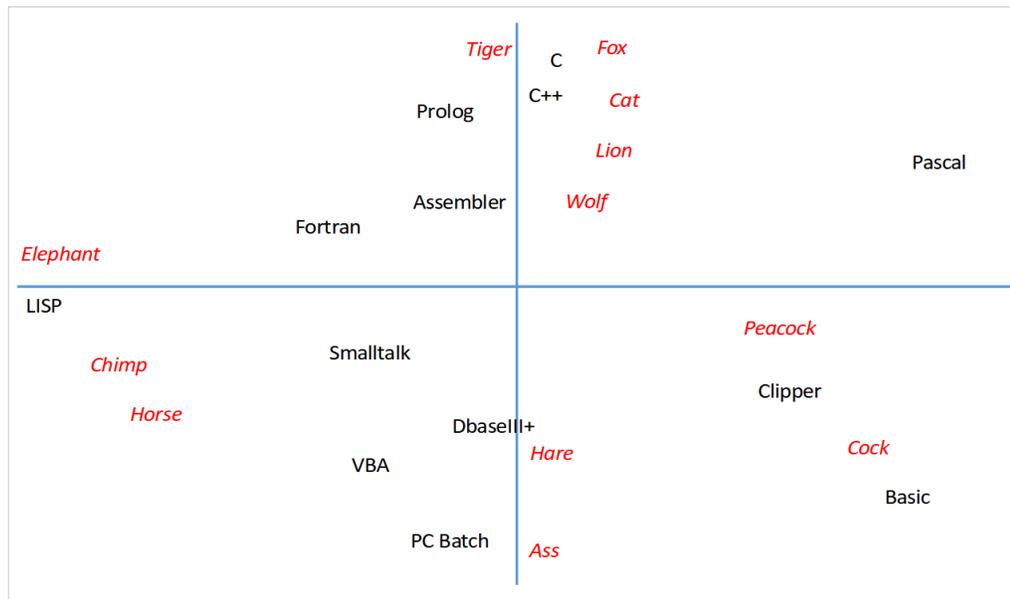
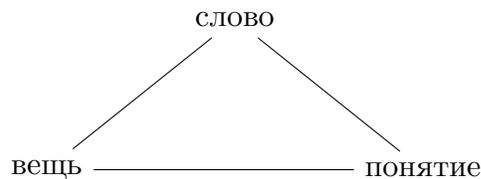

Рис. 2: «Метафорическое» субъективное шкалирование, «содержание» vs «оболочка»

понятие может играть уготованную ему роль только в том случае, если оно наполнено содержательным интенционалом, описывающим, с одной стороны, значительное число подходящих под данное понятие «вещей» (экстенционал), и проводящим строгую границу, с другой стороны, как с интенционалом, так и экстенционалом прочих понятий (Термин — бог границ и пределов у древних римлян).

Одно из простейших формальных представлений интенционала — список признаков/атрибутов. Например, о языке программирования C++ известно следующее:

- язык высокого уровня (т. е. не ассемблер)
- компилируемый (т. е. не интерпретируемый на ходу)
- платформозависимый (т. е. компилируемый непосредственно в машинные коды, а не в байт-коды, как, например, Java)
- популярный
- объектно-ориентированный
- ...

Иными словами, множественность признаков делает осмысленной логическую связь понятия с экстенсионалом, даже если последний пуст, как в случае вымышленных объектов: «кентавр», «эльф» и т. п.

В противоположность этому, метафора характеризует объект не изнутри, но извне.

В этом случае множественность признаков понятия компенсируется множественностью самих метафор, каждая из которых образно передает один из аспектов содержания, на которое указывает символ-знак, собственно, и играющий роль «содержания» (содержимое) метафоры. Множественность метафорических образов создает параллельный экстенсионал, более богатый по содержанию (при условии, что метафорические образы подобраны адекватно), чем «истинный» экстенсионал понятия, и позволяющий (если это является целью) скрыть настоящий интенционал понятия фигурой умолчания. Здесь мы видим одно из отличий литературной метафоры от когнитивной: если в первом случае достаточно одного образного сопоставления, чтобы (подготовленный) читатель уяснил себе мысль и намерение автора, то во втором, в отсутствие заданного в авторском тексте (либо выводимого из массива знаний, разделяемых автором и читателем) общего основания, охарактеризовать описываемый объект метафорически без привлечения множества избыточных пересекающихся и дополняющих друг друга образов невозможно (рис. 3).

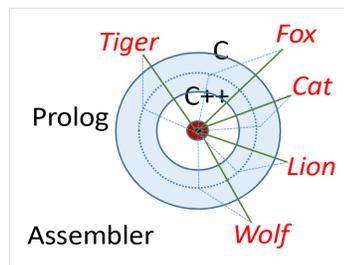

Рис. 3: Множественность треугольников Фреге, индуцируемых множественностью метафорических образов

Феноменальное сознание и личная система значений

Феноменологическое направление в когнитивных науках берет за основу одноименную философскую систему с тем, чтобы, вслед за ней, исследовать универсальное в структуре субъективного человеческого опыта и, более широко, субъективной реальности. Из всего, что есть субъективного, феноменология вычленяет то, что составляет необходимые условия этого субъективного, и — из последнего — только то, что может быть обобщено на весь человеческий род. Иными словами, феноменолог пытается избежать двух крайностей — субъективного идеализма

и наивного материализма. В первом случае он не абсолютизирует «сырые ощущения» как единственно и непреложно данные моему «я», но ищет в них объективное и универсальное, во втором — рассматривает «ощущения» как более или менее искаженное отражение одного фрагмента реальности («объекта») в другом фрагменте той же реальности, то есть в субъекте как нейрофизиологическом приемнике сигналов, исходящих от объекта.

Известный космолог А. Д. Линде в своем эссе, не употребляя специальных терминов, выражает по сути феноменологическую трактовку соотношения между «сырыми» ощущениями и тем, что принято считать «объективной реальностью»:

Согласно общепринятой материалистической доктрине, сознание ⟨...⟩ играет вторичную, вспомогательную роль по отношению к материи, рассматривается всего лишь как функция материи, как инструмент для описания того, что составляет существующий в действительности внешний материальный мир. Но давайте вспомним, что наше знание о мире начинается не с «материи», а с ощущений. Я точно знаю, что моя боль, мое «зеленое», мое «сладкое» существуют. Мне не нужны никакие доказательства их существования, потому что соответствующие события — часть меня; все остальное — не более, чем теория. Со временем мы узнаем, что наши ощущения подчиняются определенным законам, которые легче всего сформулировать, если признать, что за нашими ощущениями стоит определенная реальность. Подобная модель материального настолько успешно описывается законами физики, что вскоре мы забываем о том, с чего началось наше постижение мира, и начинаем утверждать, что материя — это единственно существующая реальность, а ощущения всего лишь помогают ее описать. ⟨...⟩ Но на самом деле мы подменяем реальность наших чувств успешно работающей теорией независимо существующего вне нас материального мира. И эта теория настолько успешна, что мы перестаем принимать во внимание ее ограничения до тех пор, пока нам нет нужды обращаться к вопросам настолько глубоким, что наша модель реальности уже не может их вместить (Linde 1998).

Данная цитата образно и емко выражает тот протест против наивно-естественно-научного психологизма, который заложил в основу феноменологии ее основатель Э. Гуссерль. Несколько десятилетий спустя представители частных наук задались вопросом, имеет ли смысл обратное движение — от философской феноменологии в ее максимально, или, наоборот, минимально возможной глубине к вопросам частных наук. Так возникла программа «натурализации феноменологии». В применении к теме настоящей статьи интересны следующие направления этой программы:

- феноменологическое переосмысление понятия личной системы значений в когнитивных науках (в том числе, очевидно, и в тех направлениях, которые относятся к сфере психосемантики);

- поиск нейрофизиологических или, более широко, телесных коррелятов конституирующего Эго (De Preester 2007: 604–618; Varela *et al.* 1991).

Как подчеркивает Де Пристер, «интенциональные корреляты сознания, — это не эмпирически-реальные объекты, но [активно конституируемые сознанием] *значения*» (De Preester 2006: 53), а «конституирование... следует понимать как способ, посредством которого сознание определяет конституируемый объект *как* единицу значения» (De Preester 2006: 54). О связи интенционального и телесного речь пойдет ниже.

Феноменология коллективной деятельности

Дж. Златев (Zlatev 2008: 137–151) отмечает две стороны природы человеческого языка. С одной стороны, язык представляет собой условно-нормативную семиотическую систему, предназначенную для общения и мыслительной деятельности. С другой — язык относится к числу телесных навыков человека, причем не только с точки зрения моторики речи (вербальная речь, письмо, язык жестов и т. п.). Как выясняется, и содержательная часть языка в значительной степени опирается на моторную активность и поддерживающие ее нейронные процессы (см. ссылки по тексту цитируемой статьи). Являясь сторонником теории М. Дональда (Donald 1991), Златев ищет ответ на вопрос о связи этих двух сторон человеческого языка в феномене телесного мимезиса. Критика теории Дональда выходит за рамки настоящей работы. Для ее цели достаточно и того, что идея мимезиса играет в обсуждаемой проблематике продуктивную эвристическую роль. В частности, наводящие соображения к тому, что наш язык представляет собой пост-миметическую (когнитивную) конструкцию, можно найти не только в работах Дональда и его последователей, но и в том, какую роль отводит телесному началу Дж. Лакофф (Лакофф, Джонсон 2004) в формировании наиболее древних и важных метафор с их последующим «вмораживанием» в конвенциональный, т. е. не-метафорический словарь языка.

Златев, стремясь преодолеть недостатки теории Дональда, предлагает свое определение телесного мимезиса, в котором для настоящей статьи важно постулирование интенциональности данного телесно-семиотического акта. В данном случае имеется в виду то обстоятельство, что миметический акт сознательно обозначает некоторое действие, и данное намерение понятно для адресатов данного акта.

В связи с этим уместно вспомнить, каким образом два классика феноменологии, Гуссерль и М. Мерло-Понти, подходили к вопросу о расширении постулатов данной философской системы за пределы индивидуального сознания (Эго). Вопрос о том, каким образом Эго может конституировать отличное от себя Альтер-Эго, оба мыслителя решали посредством обращения к телесному началу. Гуссерль ввел понятие интенциональной трансгрессии и постулировал возможность понимания Альтер-Эго на основе телесной общности с Эго, безотносительно к цели и

намерениям, вкладываемым в те или иные телесные акты (Husserl 1970: 23–24). В отличие от Гуссерля, Мерло-Понти подчеркивал важную роль, которую в данном случае играет общность интенциональной цели телесных актов, в частности общность интенционального объекта, конституирование которого по какой-либо причине оказалось важным для Эго и Альтер-Эго (Merleau-Ponty 1962: 370–380).

Возвращаясь к определению Златева, следует отметить аспект, на котором цитируемый автор не заострил свое внимание, возможно посчитав его самоочевидным. Речь идет о множественности вариаций миметического акта, посредством всей совокупности которых достигается однозначность сообщения, передаваемого адресату. Это подводит нас к констатации определенной параллели между миметическим актом и метафорой. Как уже отмечалось выше, переход от мимезиса к языку в его современной конвенциональной форме происходил через активное использование метафоры, которая и сама по себе приобретала все более абстрактно-семиотические формы, постепенно удаляясь от телесных прообразов, но не теряя приобретенное через мимезис свойство разделяемой интенциональности, позволяющее разделять личные значения с адресатом (Альтер-Эго).

Возвращаясь к определению Златева, следует отметить аспект, на котором цитируемый автор не заострил свое внимание, возможно посчитав его самоочевидным. Речь идет о множественности вариаций миметического акта, посредством всей совокупности которых достигается однозначность сообщения, передаваемого адресату. Это подводит нас к констатации определенной параллели между миметическим актом и метафорой. Как уже отмечалось выше, переход от мимезиса к языку в его современной конвенциональной форме происходил через активное использование метафоры, которая и сама по себе приобретала все более абстрактно-семиотические формы, постепенно удаляясь от телесных прообразов, но не теряя приобретенное через мимезис свойство разделяемой интенциональности, позволяющее разделять личные значения с адресатом (Альтер-Эго).

Метафора и притча

Отношение изоморфизма между пространствами агентов и референтов метафоры, сохраняющее ролевые отношения, делает возможным речевую (синтагмическую) композицию метафор, образуя такие исторически традиционные формы, как притча и басня.

Например, выражение «дипломат имярек — хитрый лис» неявно вводит в рассмотрение «мир» (сказочных) животных, распределение ролей между которыми полагается известным всем участникам общения. Простейшей притчей, основанной на таком пространстве референтов, может быть следующая: «лис преследует зайца; медведь защищает зайца от лиса». Замена лиса на волка и медведя на пса очевидным образом меняет набор фильтруемых такой составной метафорой признаков. Характерным свойством притчи, унаследованным от метафоры, является

потеря связи с реальностью в том смысле, что сличение ее сюжета с реальностью оказывается бессмысленным, неуместным.

Чаще всего притча применяется тогда, когда высказывание рассказчиком отношения к миру агентов прямым текстом невозможно или неуместно. Как следствие, притча, в отличие от метафоры, может вводиться в рассмотрение без прямой привязки к объектам-агентам и ролевым отношениям между ними. Особым частным случаем притчи является ирония: пространства агентов и референтов формально совпадают, но ролевые отношения между их элементами различны: «честнейший, добропорядочнейший кандидат в губернаторы имярек непременно разоблачит всех жуликов и воров». Распознавание иронии предполагает способность слушателя выйти за пределы прямых значений, употребляемых рассказчиком, посмотреть на рассказ со стороны, на метауровне. Эта способность является следствием способности к рефлексии: «если я, слушатель, могу посмотреть на собственные представления со стороны, поиграть их значениями, т. к. знаю их источники и области определения, то я полагаю, что то же самое может и рассказчик; возможно, он приглашает меня в некую игру значениями, посредством которой пытается мне на что-то намекнуть».

В виду той роли, которую играют в метафоре пространства содержания и оболочки, по большей части изоморфные, здесь и далее в качестве «формализма» или «теории» метафоры будет использоваться теория ментальных пространств и семантического смещения Фоконье (Fauconnier, Turner 2003). Например, ироническое высказывание Н. В. Гоголя

Полицмейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как родной в семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую.

может быть представлено в виде смещения двух изоморфных пространств (рис. 4).

Здесь *b* — некоторый ресурс, *a* — хранитель этого ресурса, *c* — законный потребитель ресурса, *d* — незаконный потребитель (все четыре перечисленных элемента образуют «родовое пространство»); *a1* — отец, *b1* — семейная кладовая, *c1* — домочадец, в том числе, и сам отец, *d1* — вор или грабитель; *a2* — полицмейстер, *b2* — лавка, *c2* — владелец лавки, *d2* — вымогатель, он же и полицмейстер. Отождествляя элементы *a1* и *a2*, получаем некорректную, конфликтную, невозможную рационально ситуацию, когда незаконный потребитель ресурса отождествляется с законным.

Притча и миф

Известно, что ребенок, как правило, неспособен понимать иронию, поскольку у него еще нет достаточной рефлексии. С другой стороны, взрослый человек может такую рефлексиию потерять в силу каких-то внутренних психологических причин,

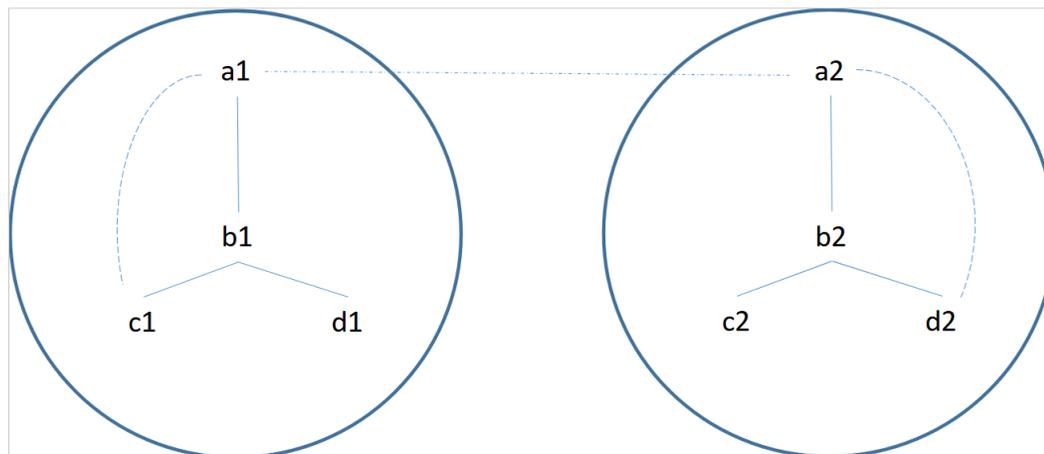

Рис. 4: Семантическое смещение пространств Фоконье

какого-то конфликта, который ставит барьеры, сужающие простор для «игры со значениями».

Метафора и притча сами по себе не препятствуют возврату к реальности. Дипломат — «хитрый лис» — обычный человек, несмотря на всю свою хитрость, он может допустить ошибку, повести себя как «глупый осел». Старушка — «божий одуванчик» может, при удачном стечении обстоятельств, самостоятельно задержать грабителей, и т. д. Но если у адресата притчи внезапно теряется способность к рефлексии в ее отношении, то он, как ребенок в примере с иронией, может застрять в сюжете притчи. Тогда уже гипертрофируются и хитрость дипломата, и беззащитность старушки.

Одним из первых подобную ситуацию описал (с позиций семиотики) Барт (Барт 2008) в серии эссе о мифе как феномене массового сознания:

Трехчленная схема семиологии Соссюра — означающее, означаемое и знак — обнаруживается (...) в мифе. Но миф представляет собой особую систему в том отношении, что он создается на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки: *это вторичная семиологическая система*. То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим. Напомню, что материалы, из которых создается мифическое высказывание (собственно язык, фотография, живопись, плакат, обряд, вещь и т. д.), могут быть исходно разнородными, но, попадая во владение мифа, они сводятся к голой знаковой функции; для мифа все они лишь сырье, все они едины в том, что приведены к чисто языковому состоянию. В буквенном или же пиктографическом письме миф видит всего лишь сумму знаков, некий совокупный знак, итоговый член первичной семиологической цепочки. И вот теперь этот итоговый член де-

лается первым элементом новой, более крупной системы, надстраиваемой над ним. Миф как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных значений. Поскольку этот сдвиг имеет принципиальное значение для анализа мифа, я попытаюсь изобразить его следующей схемой — естественно, имея в виду, что ее пространственное строение служит не более чем метафорой [рис. 5]:

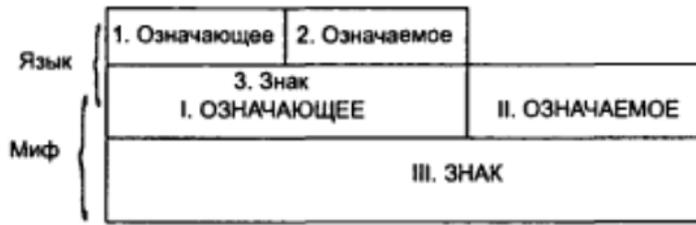

Рис. 5: Вторичное означающее по Р. Барту (2008: 272)

Т. е., если коротко суммировать наблюдение Барта, с означаемым II в мифе ассоциируется не чистый (языковой) символ, а цельный когнитивный образ I. Этот образ играет ту же самую когнитивную роль, что и «обычный», чистый образ-метафора в сознании древнего человека. Таким образом, в то время как древний человек брал образы-метафоры из внешней природы, современный человек берет их в основном из моделей природы — картин мира предметных областей, которые строятся когнитивно в его сознании.

Знаковые системы настолько плотно входят в нашу жизнь, что начинают играть роль расширенной объективной реальности, где элементы знаковых систем столь же значимы, как и объекты реального мира. Устойчивые элементы знаковых систем начинают играть роль референтов, вокруг которых вначале выстраивается внутреннее, сокровенное *quale*, интенциональный объект, затем — общий интенциональный объект.

Рассмотрим один из примеров «мифа», описываемых Бартом:

На обложке журнала «Пари-Матч» изображен молодой африканец во французской военной форме; беря под козырек, он смотрит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг... Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что это означает: Франция — это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам колониальной системы... И в этом случае передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии);

есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть репрезентация означаемого посредством означающего (Барт 2008: 273).

Согласно теории ментальных пространств, здесь присутствуют две копии одного и того же пространства (рис. 6): а — молодой человек призывного возраста, b — страна происхождения молодого человека, с — защитник страны происхождения, d — завоеватель страны происхождения; а1 — молодой африканец, b1 — родина африканца, с1 — защитник родины африканца, d1 — завоеватель-колонизатор родины африканца; а2 — молодой француз, b2 — Франция, с2 — солдат Франции, d2 — противник Франции, интервент.

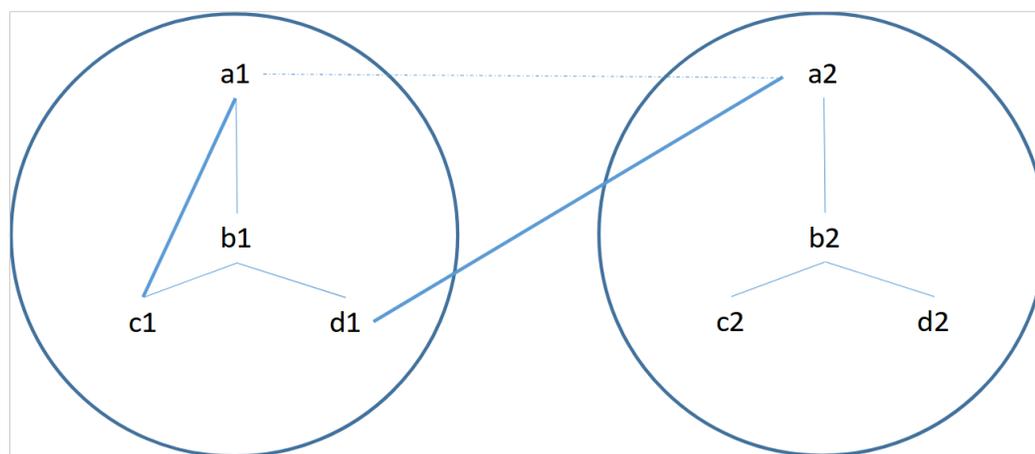

Рис. 6: Смешение пространств по Фоконье

Отождествляя молодого человека призывного возраста в этих двух пространствах, мы получаем такую же рационально «невозможную» конфликтную ситуацию (молодой африканец — одновременно и защитник, и завоеватель своей родины), как и та, которая описана ироническим пассажем Гоголя. Однако в данном случае не может быть и речи об иронии или сарказме. Абсурдность ситуации, когда один и тот же человек выступает в двух несовместимых ипостасях, не высмеивается, а *табуируется*.

Иными словами, в определенном смысле миф есть не что иное, как притча с табуированной достоверностью.

Притча, миф и майнинг текстов

Как уже отмечалось выше, процедура субъективного шкалирования трудоемка и не предназначена для применения в задачах, имеющих какое-либо отношение

четаний именных выражений с предикатами — глагольными или именными сказуемыми. Результат представлен в виде списка так называемых RDF-троек, входящих в один из стандартов представления онтологий. Полный набор таких троек, выделенных из десятков тысяч текстов, удовлетворяющих тому или иному тематическому запросу, далее обрабатывается посредством кластерного анализа.

В применении к теме настоящего исследования планируется модификация указанного подхода, основанная на потенциально содержательной аналогии между массивом «нормативных» мер сходства терминов в корпусе Брауна и классической методикой субъективного шкалирования. На этом фоне любое неслучайное (т. е. статистически значимое) соприсутствие в предложениях текста понятий, неблизких по стандарту корпуса Брауна, можно эвристически трактовать как кандидатуру на метафорическую склейку по Фоконье (рис. 8).

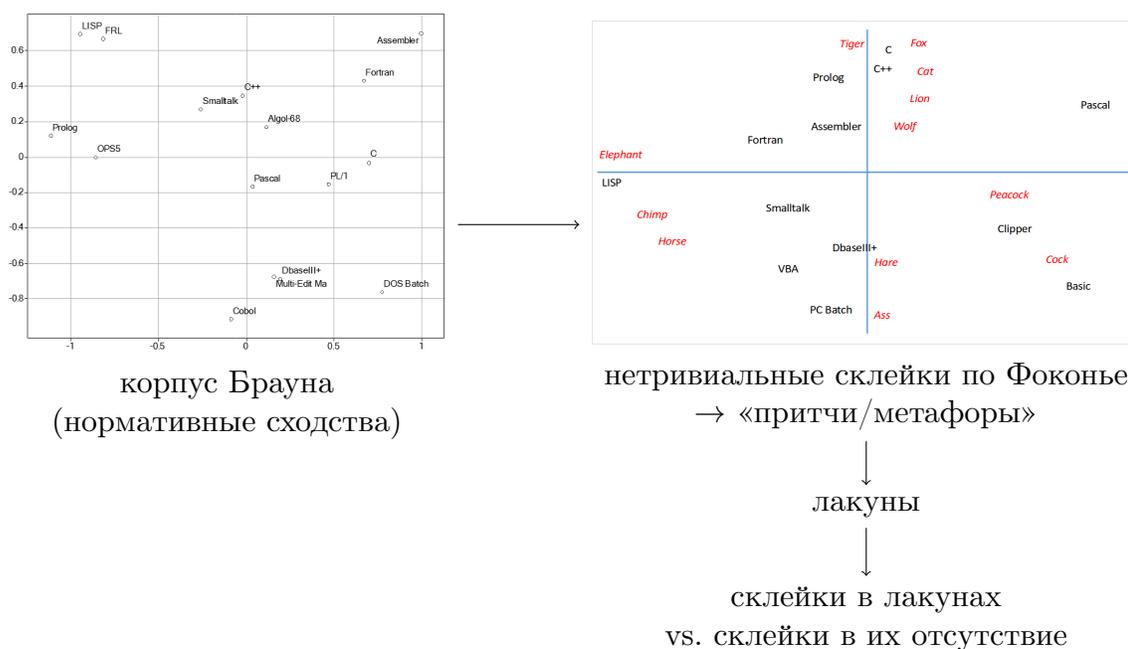

Рис. 8: Параллель между психосемантическим шкалированием и поиском ненормативных (по корпусу Брауна) ассоциаций в социальных текстах

В случае успеха на этапе выделения вторичных знаковых систем, индицируемых семантическими склейками, можно перейти к этапу выявления лакун, которые могли бы указывать на табуированность тех или иных тем, т. е. выявления в текстах структур, служащих фигурами умолчания социальных мифов.

Заключение

В настоящей работе описаны первые шаги программы исследования, в котором:

- психологический эксперимент, в его классической ипостаси, переосмысливается как феноменологический;
- обосновывается принципиальная роль общего интенционального объекта в социальной коммуникации личных, прежде всего ценностно-заряженных систем значений;
- подводится феноменологическое основание под одну из наиболее известных трактовок социального мифа как вторичной знаковой системы;
- предлагается практически реализуемый подход к выявлению скрытых слоев вторичных знаковых систем в массивах текстов, находящихся в свободном доступе.

Литература

- Барт 2008 — *Барт Р.* Мифологии / пер. с фр. М.: Академический проект, 2008.
- Воинов, Гаврилова 1994 — *Воинов А., Гаврилова Т.* Инженерия знаний и психосемантика: об одном подходе к выявлению глубинных знаний // Известия РАН. Техническая кибернетика. 1994. № 5. С. 3–11.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Петренко 1988 — *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М.: Издательство МГУ, 1988.
- Черниговская и др. 2005 — *Черниговская Т. В., Гаврилова Т. А., Воинов А. В., Стрельников К. Н.* Сенсо-моторный латеральный профиль: тестирование и интерпретация // Физиология человека. 2005. Т. 31, № 2. С. 35–44.
- Barthes 1972 — *Barthes R.* Mythologies. New York: Noonday Press, 1972.
- Boose *et al.* 1989 — *Boose J. H., Shema D. B., Bradshaw J. M.* Recent progress in AQUINAS: a knowledge acquisition workbench // Knowledge Acquisition. 1989. Vol. 1, iss. 2. P. 185–214.
- De Preester 2006 — *De Preester H.* Naturalism and transcendentalism in the naturalization of phenomenology // New Ideas in Psychology. 2006. Vol. 24, no. 1. P. 41–62.
- De Preester 2007 — *De Preester H.* The deep bodily origins of the subjective perspective: Models and their problems // Consciousness and Cognition. 2007. Vol. 16, no. 3. P. 604–618.
- Donald 1991 — *Donald M.* Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Fauconnier, Turner 2003 — *Fauconnier G., Turner M.* Metaphor, Metonymy, and binding // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.

- Gallagher, Soerensen 2006 — *Gallagher S., Soerensen J. B.* Experimenting with phenomenology // *Consciousness and Cognition*. 2006. Vol. 15, no. 1. P. 119–134.
- Husserl 1970 — *Husserl E.* *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology; An Introduction to Phenomenological Philosophy* / trans. by D. Carr. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
- Linde 1998 — *Linde A. D.* *Universe, Life, Consciousness*. 1998. URL: <http://andrei-linde.com/articles/universe-life-consciousness-pdf> (accessed: 26.12.2022).
- Merleau-Ponty 1962 — *Merleau-Ponty M.* *Phenomenology of perception*. London: Routledge, 1962.
- Varela *et al.* 1991 — *Varela F., Thompson E., Rosch E.* *The Embodied Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Voinov 2021 — *Voinov A.* Acquisition and enrichment of a Subject Domain Thesaurus from a Sample of Scientific Abstracts // *Russian Advances in Artificial Intelligence at RCAI* 2021. Taganrog, 2021. P. 89–97.
- Zlatev 2008 — *Zlatev J.* From proto-mimesis to language: Evidence from primatology and social neuroscience // *Journal of Physiology—Paris*. 2008. Vol. 102, iss. 1–3. P. 137–151.